

Мир Фантастики

Литературное приложение

Ноябрь 2015

Содержание

Предисловие	3
Юрий Поляков «Интриганы космоса, или Ожерелье для принцессы».....	4
Тим Мэннинг «Первопроходец»	15
Любовь Деркач «Жаль, что она умерла».....	19
Андрей Хорошавин «Переправа»	27
Саша Тэмлейн «Под ветвями вишни, с печеньем...».....	29
Как прислать рассказ.....	33

Предисловие

Путешествия во времени, интриги межзвёздного двора, удивительная реальность, где люди носят золотые и чёрные имена, и ещё более удивительная реальность, где перемешалось всё на свете.

Юрий Поляков

Интриганы космоса, или Ожерелье для принцессы

От редакции:

*Ироничный рассказ о придворных стра-
стях в далёком космосе.*

Наследный принц Арктура Фальстарт сидел на балконе своего угольно-чёрного космического корабля и на раздолбанном «Стейнвее» играл прелюдию до-диез минор Рахманинова. Увы, прелюдия плохо давалась его высочеству, как, впрочем, и другие произведения сложнее «Собачьего вальса»: пять классов музыкальной школы остались далеко позади. К тому же принца неотступно преследовали тяжёлые государственные мысли. Две недели назад изволил скончаться его батюшка, король Артрит Девятый. Событие вполне ожидаемое, но, вопреки всем уговорам, в завещании так и не появилось имя — имя того, кто должен был принять скипетр после смерти государя. По закону, в этом случае наследника должен был назвать Сенат. К разочарованию Фальстарта, большая часть Сената пока отказывалась признать его неоспоримые достоинства, и трон Арктура ныне пустовал. Тем не менее принц стал главой временного правительства и теперь с переменным успехом пытался решать проблемы страны. Государев хлеб оказался нелёгок, и уже спустя неделю Фальстарт начал тосковать о прежних беззаботных деньках. Выступления в парламенте, официальные приёмы, буйные шахтёры... и неприятные разговоры, избежать которых не представлялось возможным.

Весть об одном из них как раз сейчас возникла в дверях. Она имела облик молодого секретаря Ксерокса. Новый помощник принца был расторопен и усерден — настолько, что старался перенимать привычки начальства вплоть до жестов и причёски. Хотя, конечно, секретарские усики не шли ни в какое сравнение с пушистыми усами Фальстарта.

Осторожно откашлявшись, Ксерокс дождался, пока принц прекратит музицировать, и низко поклонился:

— Ваше высочество, вы просили предупредить о появлении принцессы. Её шаттл только что пристыковался к «Гарантелле».

Фальстарт поморщился:

— Хорошо. Сядь там в углу, может, пригодишься... хотя подожди. А где Фин?

— В соседней комнате, ваше высочество. Жуёт ковер.

Принц кивнул и тут же громко свистнул:

— Сфинктер, ко мне!

За дверью послышалось пыхтение, и на смотровую площадку рысью вбежал морщинистый мопс — любимец Фальстарта. Он сходу вскочил на колени хозяину и щедро облизал августейшую физиономию.

— Ах ты моё солнышко! — умилился принц. — Ну давай, поцелуй папу.

— Дорогой, надеюсь, я тоже могу рассчитывать на твоё внимание?

Внезапно возникшая на балконе гостья заставила принца вздрогнуть.

— Да-да, присаживайся, родная, — подскочил с табурета Фальстарт. — Как ты быстро...

Вошедшая принцесса расположилась в кресле и холодно уставилась на сводного брата. От этого взгляда принц заёрзал на месте, тщетно пытаясь изобразить аристократическую невозмутимость. И, надо признать, причины для беспокойства у него действительно имелись.

Принцесса Финита была нежным цветком с фиолетовой кожей и красными глазами. Горький плод межрасового брака,

Финита вечно хворала всеми известными науке болезнями — от астмы до триппера. Что, однако, не мешало принцессе оставаться влиятельным игроком политической закулисы Арктура. Увы, законы королевства не позволяли ей претендовать на трон. Зато позволяли править, дёргая за ниточки подходящую для этой цели кандидатуру.

Вдоволь насмотревшись, принцесса подняла изящную бровь:

— Что привело тебя на орбиту, мой возлюбленный брат? Неужто в Доме правительства сегодня выходной?

— Здесь лучше работается, — буркнул Фальстарт. — Никто не отвлекает.

— Вижу, — усмехнулась Финита. — И, насколько я знаю, многим на Арктуре тоже лучше работается, пока ты здесь. Объясни мне, пожалуйста, зачем ты дал распоряжение о дополнительной обработке спиртного?

— Борьба с алкоголизмом — важная часть программы оздоровления нации! — с достоинством ответил принц.

— Это прекрасно, дорогой, но почему именно так? Есть и другие способы, кроме внедрения в бутылки молекул слабительного за счёт управляемой диффузии.

— Но это был низкокачественный алкоголь, — вжался в табурет Фальстарт. — К тому же я должен был показать, что умею принимать непопулярные решения.

— Ещё одно такое доказательство — и нас линчуют! — зашипела Финита, но тут же вернулась к прежнему обманчиво мягкому тону. — Солнышко, проблема даже не в том, что одним прекрасным вечером шахтёрские посёлки Арктур-2 обделались в полном составе. Хотя там уже начались забастовки. Армия...

— А что армия? — насторожился принц.

— После того, как адмирал Бульдозер, пропустив традиционный утренний стопарик, чуть не сходил на плац прямо во время парада, мне было сказано, что твоей задницы на этом троне военные не потерпят.

Впрочем, это ещё полбеды. Но вот другой твой фокус...

Фальстарт страдальчески сморщился.

— Скажи, каким местом ты думал, когда приказывал задержать транзитную технику Земной империи?

— Но там была их новейшая разработка, которая подпадает под закон о контроле за распространением вооружений. Этот, как его... репликатор.

— Причём тут вооружения?! — рявкнула Финита.

— Ну, он ведь может копировать любые мелкие предметы. Патроны, например...

— Ладно, где он?

— Э-э... у меня. Взял попробовать.

Принцесса закрыла лицо руками:

— Сегодня утром у меня была чудная беседа с послом землян. Самое мягкое, что я услышала, — совет использовать репликатор, чтобы размножить единственную извилину в твоём рудиментарном мозгу. Теперь у имперцев на тебя зуб, и совершенно некстати. Как только снова окажемся в столице — немедля вернёшь эту штуку землянам!

Финита глубоко вздохнула.

— В общем, дорогой, не надо поспешных решений. Если не хочешь довести меня до инфаркта, конечно.

— Хорошо, я буду осторожен, — поспешно заверил Фальстарт. — А что там в парламенте?

— Недавно говорила с Ашельмом — всё по-прежнему. Фракции «Пчёлы против мёда» и «Вперёд в прошлое» поддерживают твою кандидатуру, а вот договориться с «Жуликами Арктура» пока не удалось. Но большинство всё равно получим, это дело времени, главное — заблокировать других претендентов. Кстати о претендентах: с луны Арктура-5 к нам летят три космических корабля, полные детишек нашего любвеобильного папули. Похоже, рассчитывают чем-нибудь поживиться.

— Сколько?! — ужаснулся Фальстарт.

— Сколько-сколько — все, что есть, — махнула рукой принцесса. — Забыл, что ли: папа там летнюю резиденцию отгрохал. Сорок лет продуктивного отдыха дали свои плоды.

— Три космических корабля бастардов! — содрогнулся принц. — Но за них ведь не проголосуют?

— После твоих фокусов... — закатила глаза Финита. — Впрочем, это действительно мелочи. Меня больше беспокоит, куда девался Ретур — пожалуй, наш единственный серьёзный соперник.

Фальстарт озабоченно нахмурился. Принц Ретур был его младшим братом. Способный юноша ходил в любимцах короля и считался основным претендентом на престол, однако интриги Финиты настроили правителя против сына. Ретур был удалён от двора и одно время жил на Арктуре-5, но потом куда-то исчез.

— Ладно, с этим разберёмся, — заключила принцесса. — А сейчас перейдём к делу. У меня в запасе есть один ход, который представит тебя в самом выгодном свете и позволит дожать парламент.

— И какой? — заинтересовался Фальстарт.

— Ты должен жениться! — объявила Финита. — Поддержка других королевских домов нам на руку. К тому же семьянин на троне — опора династии.

— Что, вот так сразу? — растерялся принц.

— Ой, только не надо ломаться, — отмахнулась Финита. — В конце концов, папа женился пять раз, но это не мешало ему оставаться крупнейшим секс-террористом обитаемой Галактики. К тому же я нашла тебе принцессу из хорошей семьи. Ну, может, семья и так себе — но принцесса очень даже ничего. Вот, смотри.

Принц задумчиво уставился на голограмму, покрутил изображение и одобительно кивнул.

— А что, и правда симпатичная.

Ну не знаю...

— Нечего тут знать! — отрезала сестра. — Космический корабль с принцессой прибывает через час. Раз уж болтаешься на орбите, здесь её и встретишь. Главное, будь лапочкой — а королём я тебя сделаю, не сомневайся, дорогой.

Принцесса наградила брата многозначительным взглядом и, легко поднявшись, покинула смотровую площадку.

Фальстарт вытер взмокший лоб батистовым платочком, покачал головой:

— Ну дела... Так, Ксерокс, найди дворцового, скажи, чтоб готовился к прибытию гостей.

Секретарь молча поклонился и вышел, а принц вздохнул и крепко прижал мопса к груди:

— Эх, Фин, иногда мне кажется, что в этом безумном мире я могу положиться только на тебя.

* * *

Спустя час всё на «Тарантелле» было готово к приёму высоких гостей. Когда прошла стыковка, у шлюза, вдоль красной ковровой дорожки, уже выстроился экипаж во главе с капитаном яхты. Принцесса Финита в алом платье с кружевами была невозмутима. Фальстарт, напротив, нервно тербил болтавшиеся на мундире ордена.

— Ну во что ты там вцепился? — вздохнула принцесса. — «Полгода без единой сигареты»... Да, редкая награда. А теперь оставь её в покое!

В этот момент дворецкий объявил:

— Принцесса Граппа и мать её, королева Горгона!

Дверь шлюза с тихим шипением отошла в сторону, и новоприбывшие ступили на борт яхты.

— Рад приветствовать вас на борту «Тарантеллы»! — провозгласил Фальстарт и отвесил дамам изящный поклон. Принцессы, в свою очередь, сделали книксен, а королева обошлась небрежным кивком.

— Вы окажете Арктуру честь, поделив с нами скромный ужин в... э-э-э... вашу честь, — брякнул принц.

Финита косо глянула на брата и добавила:

— Ваше величество, ваше высочество, позвольте пригласить вас в гостиную. Вы с дороги и, вероятно, не откажетесь оценить мастерство нашего шеф-повара. Его лобстеры в соусе карри — настоящий шедевр.

— Не откажемся, — проронила королева, и августейшие особы проследовали в гостиную.

Поначалу застольная беседа не клеилась, и собравшиеся со скучающим видом поглощали хвалёных лобстеров, деликатесные сыры, ризотто с чёрным трюфелем и другие произведения кулинарного искусства. Фальстарт скучал над отбивной из ягнёнка, деля внимание между приёмом пищи и куда более интересным занятием — незаметным разглядыванием гостей. Впрочем, королева Горгона, сухощавая блондинка с холодным взглядом ядовито-зелёных глаз, особого интереса для разглядывания не представляла — в отличие от её молодой спутницы. Принцесса Граппа была не слишком изящна: малость широка в плечах, да и ростом заметно превосходила принца. Но роскошная фигура и живость, то и дело пробивавшаяся сквозь аристократические манеры, надёжно гарантировали ей мужское внимание. Сама принцесса посматривала на Фальстарта, не особо скрываясь, и от этих взглядов голубая кровь принца приливалась к августейшим гениталиям.

— Как поживает ваш досточтимый батюшка? — наконец осведомился Фальстарт, промокнув губы салфеткой.

— Не очень хорошо, но таки лучше, чем ваш, — любезно ответила принцесса. — С тех пор, как старик ушёл в запой, его регулярно навещает адская белочка, и они вдвоём разносят на атомы мебель и вообще всё, что попадает под руку. Собственно, поэтому папа и остался дома.

– Дорогая, – раздражённо заметила королева, – я не думаю, что нашим гостеприимным хозяевам нужны эти подробности. На Антаресе, по счастью, всё спокойно: полиция оперативно разгоняет демонстрации, ВВП стабильно растёт, а урожай мака в этом году был просто великолепен. А как продвигается подготовка к коронации?

– Возникла небольшая заминка, – поморщилась Финита. – Для утверждения моего брата в Сенате не хватило жалкого десятка голосов. Этот вопрос так или иначе будет решён, но, признаюсь, в нынешней ситуации поддержка королевского дома Антареса для нас весьма ценна...

Королева благосклонно кивнула, и в дальнейшем тема беседы колебалась между вкусом арктурианских лобстеров и целебными свойствами мака с Антареса. Наконец Финита откланялась, сославшись на мигрень, а у королевы Горгоны нашлись срочные дела на её собственном корабле.

– Могу ли я увлечь вас скромной экскурсией по моей скромной яхте? – осведомился Фальстарт.

– Недурственная тачка, я бы посмотрела, – одобрила идею Граппа.

Принцесса осталась холодна к коллекции живописи принца и даже к его любимой собаке, зато её до чрезвычайности заинтересовал стенд с холодным оружием.

– Ого, какая штука! – обрадовалась девушка, снимая со стены шипастый металлический шар на короткой рукояти. Вслед за булавой пришёл черёд рогатого шлема и связки сюрикенов.

– Сфоткаешь меня с этими игрушками? – спросила принцесса.

Фальстарт кивнул, мысленно отметив, что подарочек ему достался ещё тот. Он хотел было позвать слугу, но в этот момент случилось неожиданное: Граппа упустила сюрикены, и в ту же секунду отиравшийся поблизости мопс ловко ухватил всю вязанку и поскакал к выходу.

– Фин, брось это! – взвизгнул принц. – Ваше высочество, прощу проще... Сфинктер, фу! Сфинктер, ко мне!

И, бряцая орденами, Фальстарт бросился в погоню.

– Офигеть, – резюмировала принцесса. – Надеюсь, до любовного треугольника дело не дойдёт.

– Ваше высочество желает сфотографироваться? – донеслось сзади.

– Желаю! – обернувшись, подтвердила Граппа. – А ты кто?

– Секретарь принца, – низко поклонился секретарь. – Меня зовут Ксерокс.

– Ну, Ксерокс так Ксерокс, – отозвалась принцесса. – Фотик есть?

– Конечно, ваше высочество, – снова поклонился Ксерокс. – Извольте стать в позу.

Граппа поправила шлем и грозно занесла булаву, а секретарь тут же запечатлел принцессу на миниатюрный 3D-фотоаппарат.

– Скинешь на наш сервак, пока мы пристыкованы, ладно?

– Конечно, ваше высочество, – заверил секретарь. – И, если желаете, могу продолжить экскурсию...

Граппа с достоинством кивнула, и Ксерокс повёл гостью дальше.

* * *

– Он такой красивый... – тихо проговорила принцесса.

– Да, ваше высочество, – уже без всякой услужливости в голосе подтвердил секретарь.

Огромный опаловый шар Арктура-3 висел в пустоте, неспешно открывая взору всё новые пространства. Дымка облаков, тёмная зелень лесов и просторы морей медленно проплывали мимо, словно давая понять, как наивен человек, возомнивший себя хозяином этого великолепия.

– Будьте уверены, на планете много потрясающих мест, которые не разглядишь с этой высоты, – мягко добавил секретарь.

– Боюсь, в ближайшее время мне будет не до того, – усмехнулась Граппа. – Расскажи лучше, сильно ли меня потрясёт дальнейшее знакомство с супругом. Он всегда такой?

– Принц – человек увлекающийся и часто бывает рассеян, – сдержанно улыбнулся Ксерокс. – Но его высочество весьма щедры, и сердце у него доброе.

– Это обнадеживает, – задумчиво сказала принцесса. – Что ж, могло быть и хуже.

– А... ваше высочество рады предстоящей свадьбе? – осторожно спросил секретарь.

– Рада? – пожала плечами девушка. – Да не особенно. Просто в последнее время королевский двор Антареса так сильно стал напоминать сумасшедший дом, что я поняла: пора сваливать. Папаша буйствует, а его новая супружница, моя мачеха, прозрачно намекает, что я здесь лишняя. И когда подвернулся этот случай, я поупрямилась только для виду.

– Ах, мачеха, – протянул Ксерокс, – то-то я подумал, что вы совсем не похожи...

– Да уж не мама, – буркнула принцесса. – Вчера её величество ясно дали понять, что фамильные драгоценности вернутся на родину. Плакало моё ожерелье из ригелианских сапфиров, и рубиновые серёжки-кометы с ним заодно. Ладно, пусть подавится. Главное – выбраться из этой дыры.

– Отдаю должное целеустремлённости вашего высочества, – с лёгкой иронией заметил секретарь.

Принцесса нахмурилась и хотела было ответить резкостью, когда на смотровую площадку ступил капитан Плинтус. Низкорослый крепыш слыл дамским угодником и, похоже, был в настроении подтвердить свою репутацию.

– Клянусь реактором «Тарантеллы», ваше высочество, вы – самая очаровательная из принцесс, когда-либо ступавших на борт яхты! – провозгласил капитан.

Граппа небрежно склонила голову, секретарь же, воспользовавшись случаем,

отошёл в сторону, а затем и вовсе покинул помещение.

– И много их сюда ступало? – поинтересовалась принцесса.

– Даже если не считать её высочество Финиту, штук десять помню точно.

– Негусто, – сморщила нос Граппа. – На галактический конкурс красоты не пойдёт.

– Что поделать, ваше высочество. Я вожу «Тарантеллу» только два года. До того занимался грузоперевозками, а там на принцесс не насмотришься.

– Что возили? – спросила девушка.

– О, практически всё – от подгузников до ядерных боеголовок! И, знаете ли, чего только не случалось в этих рейсах. Помню, как-то раз мы перегоняли танкер с удобрениями, когда на безоружный корабль напали пираты. Пришлось маневрировать, забрасывая врага фосфатами, но мерзавцы получили хороший урок!

– Круто, – признала Граппа. – Пожалуй, человек с вашим опытом выжмет максимум из любой ситуации.

– За то и держат, – развёл руками капитан.

* * *

Кабинет спикера был столь велик, что легко сошёл бы за небольшой концертный зал. Впрочем, сегодня в нём было совсем немного мест, а зритель был и вовсе один – изящно расположившаяся на софе принцесса Финита.

– Итак, есть ли подвижки, милорд? – осведомилась принцесса.

Спикер Сената с деланным сожалением покачал седой головой. Лорд Ашельм был благообразным старичком с бегающими глазами и замечательной способностью улавливать, куда дует ветер. В последнее время ветер дул в сторону Финиты, и Ашельм всеми силами старался быть ей полезным, но...

– Ситуация сложная, ваше высочество, – произнёс спикер. – «Жулики Арктура» выдвигают немыслимые условия, военные

требуют снять кандидатуру Фальстарта, а представители депутатской группы «Анархия – мать порядка» категорически отказались голосовать за принца. Более того, они пообещали начать поиски Ретура, чтобы представить парламенту достойную альтернативу.

Принцесса нахмурилась:

– Пожалуй, с этими я сама поговорю.

– А как поживает её величество Горгона? – поинтересовался спикер.

– Надеюсь, что плохо, – буркнула Финита. – За одну ночь на «Тарантелле» она ухитрилась устроить два скандала. Сперва раскритиковала апартаменты, которые так нравились маменьке, потом разоралась, что у неё якобы украли драгоценности. Разумеется, спустя пять минут драгоценности нашлись у неё же в шкафу.

– И ещё, ваше высочество. Хотелось бы всё-таки уточнить, может ли наша партия рассчитывать на пост премьера?

– Может – если заработает его, милорд. Пока вы не смогли даже обеспечить результативного голосования. Решите этот вопрос без меня – и пост премьера ваш.

Финита поднялась с места:

– Полагаю, на этом будем прощаться... Кстати, как вам идея с выступлением Горгоны в Сенате?

– Ах да, хорошо, что напомнили! – нахмурился спикер. – Должен заметить, что брачный союз с принцессой Антареса в свете последних событий не кажется мне удачной идеей. Конфликт антаресцев с Денебом внушает определённые опасения.

– Он уже вторую сотню лет внушает, – пожал плечами Финита. – И что с того?

– Да, но месяц назад произошёл весьма серьёзный инцидент – стычка антаресских разведчиков с патрулем Денеба. Посол Антареса мутит воду, но из своих источников мне стало известно, что переговоры зашли в тупик. Боюсь, Арктур могут втянуть в конфликт.

– Ладно, давать задний ход уже поздно, – поморщилась принцесса. – Но придётся крепко взять её величество за пуговицу. «На Антаресе всё спокойно», ха!

* * *

Хотя посол Антареса не принадлежал к королевскому роду, Фальстарт принял гостя со всем почтением. Причиной тому была как влияние политика, так и его умение улаживать щекотливые вопросы, в котором граф Склеросс не знал равных. Ещё одной уникальной способностью посла была крайне избирательная забывчивость. Склеросс легко и почти искренне забывал неудобные для него заявления, зато отлично помнил всё то, что предпочёл бы забыть собеседник.

Посол с благодарностью отказался от ланча, и для начала Фальстарт решил продемонстрировать гостю личное собрание живописи.

– Рискуя показаться нескромным, скажу, что у меня одна из самых интересных коллекций Арктура. Взгляните, к примеру, на это полотно. Мой любимый период – ранний Деграданс. Одно из последних полотен Намалевича: «Святой Георгий лазерным мечом убивает Дарта Вейдера».

– Мерси, мон принс, но я ещё не отошёл от выставки «Постмодерн. Эти забавные животные», – вздохнул Склеросс. – С позволения вашего высочества, я хотел бы перейти к животрепещущим вопросам.

Принц кивнул, и собеседники проследовали в каюту Фальстарта.

Посол с удобством расположился в обитом чёрным бархатом кресле, важно начал:

– Отношения королевских домов Антареса и Арктура всегда были тёплыми, но ныне, с учётом предстоящего брака, они приобретают для нас особое значение. Антарес приветствует вступление вашего высочества во власть и, зная о возникших трудностях, желает негласно поддержать ваши притязания на трон.

— И как же? — спросил принц.

— Собственно, о чём это я?.. — задумался Склеросс. — Ах да! По моим сведениям, одной из самых серьёзных угроз коронации на данный момент является, пардон, арктурианский флот. Виной чему маленькое недоразумение с обработкой спиртного. Кстати, о чём это я? Так вот, не кажется ли вашему высочеству, что этот источник неприятностей стоило бы на время отослать? Под благовидным предлогом, разумеется.

— Ну-у... коль скоро вы так ставите вопрос... — задумался принц. — Но куда?

— На манёвры! — объявил посол. — Видите ли, в окрестностях Антареса в ближайшее время пройдут учения. И, если в них примут участие корабли Арктура, получится чудный тур де форс. Совместные учения укрепят наш союз и заодно избавят вас от лишней головной боли.

— Звучит заманчиво, — признал Фальстарт. — Но такие вопросы следует согласовывать заранее...

— Силь в пле, ваше высочество, но разве войска не должны быть готовы к неожиданностям? Это прекрасный случай проверить их оперативность.

— Тур де форс... — задумчиво произнёс принц. — Надо подумать. Как насчёт плана предстоящих учений?

— Нет ничего проще! — заверил Склеросс и тут же вручил Фальстарту инфокристалл. — Здесь координаты и полное описание мероприятий. Поразмыслите над этим вопросом. И помните: как говорили мудрецы древности, лучшие цепи для народа куются из победных ракет.

— О чём это вы? — заинтересовался Фальстарт.

— Понятия не имею! — подмигнул посол и с достоинством удалился.

* * *

Благоразумие подсказывало, что лучше посоветоваться с сестрой, но магическое

слово «тур де форс» крепко засело в голове, и Фальстарт решил. Ознакомившись с данными, принц надиктовал секретарю приказ, а тем временем «Тарантелла» уже садилась на космодром возле здания Кабинета министров. Несмотря на поднявшийся переполох, оперативность флота оказалась выше всяких похвал, и спустя считанные часы довольный принц уже смотрел трансляцию старта. Сформированная эскадра представляла собой воистину пугающее зрелище. Единым строем над планетой шли корабли арктурианского флота — эсминцы «Неистребимый», «Неутомимый» и «Невыносимый», крейсер «Неотразимый» и торпедоносец «Неотвратимый». Возглавлял флотилию флагманский линкор «Непоколебимый». Блистая обшивкой и грозно щерясь ракетами, бронированные монстры удалились от планеты и синхронно ушли в гиперпространство.

Фальстарт оставался доволен собой ровно пять минут — пока в его кабинет не ворвалась взвинченная Финита.

— Тебе что, ещё не доложили?! Шахтёры объявили бессрочную забастовку и требуют отставки Кабмина!

— А-а... — начал было принц, но сестра перебила:

— Там беспорядки, полиция не справляется! Поднимай флот, пусть выйдут на низкую орбиту и расчехлят свои лазеры — это охладит шахтёрские головы.

— Гм... ну... с этим есть проблема.

— Какая? — опасно сощурилась принцесса.

— Флот... улетел.

— Куда?!

— К Антаресу. На учения, — сознался Фальстарт.

— На какие учения? — очень спокойно спросила Финита, и от этого спокойствия мурашки стаями забегали по спине принца.

После того, как сестра услышала о гениальной идее Склеросса и её оперативной

реализации, в кабинете на какое-то время сделалось громко.

— Ты, принц остолопов, метеоритом контуженный, что, войну здесь хочешь устроить?! — орала Финита. — После этих «манёвров» на границе Денев запросто может объявить её и нам!

Осознав ситуацию, Фальстарт почувствовал себя гостем космического ресторана, в котором посреди трапезы испортился гравитатор, так что всё съеденное стало устойчиво проситься наружу.

— Что же теперь делать?! — простонал принц.

— Садись на «Тарантеллу» и немедля лети к точке выхода эскадры! Яхта быстрая, должен успеть. Как только они окажутся на месте, прикажи сразу уходить обратно в гипер! Не вздумай объяснять свою ошибку, сошлись на свежие разведанные. Ну, пошёл!

— Но у меня через час сва... Понял, бегу, — исправился принц, встретившись взглядом с сестрой.

* * *

Фальстарт выскочил из кабинета как ошпаренный. Он подозвал секретаря, бросил:

— Я сию минуту вылетаю вслед нашему флоту! Извинишься от меня перед принцессой и скажешь, что свадьба... откладывается. Всё, действуй!

— С удовольствием! — подмигнул хлопнувшей двери секретарь.

* * *

Когда Ксерокс вошёл в покои принцессы Граппы, та стояла у зеркала и, надув губы, копалась в шкатулке с драгоценностями, а служанки тем временем закрепляли на платье длинный свадебный шлейф. За окном светило солнце, и под его лучами ткань сверкала множеством бриллиантовых искр.

— Что случилось? — спросила принцесса и удивлённо вскинула бровь, оценив внешний вид секретаря. Тёмный фрак с лёгким

фиолетовым отливом, серебряная роза в петлице, а главное — уверенная осанка никак не вязались с прежним образом слуги.

Секретарь небрежно поклонился:

— Ваше высочество, у меня для вас две новости: хорошая и плохая. По традиции начну с плохой. Ваш жених спешно вылетел вслед арктурианскому флоту, и есть основания полагать, что в обозримом будущем мы его не увидим. Увы, но ваша свадьба с принцем Фальстартом не состоится.

Оценив услышанное, Граппа с размаху грохнула шкатулкой о туалетный столик:

— Вот дерьмо! А я-то, дура, надеялась выбраться из этого гадюшника! Эх, говорили мне подружки: принцесса — это не профессия. Но хрен я им домой полечу — уж лучше на панель!

— А хорошая новость, — прервал её секретарь, — состоит в том, что один из принцев королевского дома Арктура готов заменить сбежавшего жениха и тем самым оградить от скандала престиж монархии и честь её высочества.

— И кто бы это мог быть? — хмыкнула Граппа, разглядывая Ксерокса.

Тот подмигнул, одним движением срывая накладные усы и парик:

— Принц Ретур к вашим услугам!

Принцесса расхохоталась:

— И ты думаешь, мамаша возьмёт и сходу согласится на эту рокировку?

— Не просто согласится — ухватится обеими руками! — усмехнулся принц. — Фальстарт скрылся, а я в ближайшие часы буду иметь большинство в Сенате. Для неё это единственный достойный выход.

Граппа нахмурилась:

— Может, и так. Только скажи, откуда уверенность, что на это соглашусь я? Я не девочка из эскорта, которой можно просто заменить жениха за полчаса до свадьбы и сделать вид, что всё в порядке!

— Во-первых, — рассудительно начал принц, — мы прекрасно подходим друг

другу и по возрасту, и по характеру. Во-вторых, это избавит тебя от необходимости идти на панель. А в-третьих, — продолжил Ретур, опускаясь на колени, — у меня нет никакой уверенности — только робкая надежда! И потому я, наследный принц Ретур, смиренно прошу твоей руки, а в знак искренности своих чувств предлагаю вот этот скромный дар.

Ожерелье, которое он протянул принцессе, поначалу казалось невзрачным, но под лучами солнца бледные камни ожили, словно превратившись в сгустки голубого огня.

— Ригелианские сапфиры матушки... — прошептала Граппа, любуясь кристаллами. — Стоп! Ты что, спёр у мачехи ожерелье?

— Ну почему сразу спёр? Скопировал! — обиделся Ретур. — Фальстарт недавно баловался конфискованным у землян репликатором, и, едва услышав о твоих драгоценностях, я подумал, что есть смысл попробовать. Правда, с возвращением безделушек возникла проблема: Горгона заметила пропажу и подняла скандал. К счастью, я смог незаметно засунуть шкатулку в её шкаф. Думаю, после фокуса, который она хотела проверить с нашим флотом, её величество не вправе на меня обижаться.

— А что за фокус? — любопытствовала принцесса.

Услышав о провокации Склеросса, Граппа задумчиво кивнула:

— Да, это похоже на маман. В шахматы не играет, но если где можно хапнуть побыстрому — она тут как тут.

— Боюсь, на сей раз её ждёт разочарование. Я участвовал в составлении приказа и одну циферку в координатах прыжка всё-таки подправил... Так как насчёт руки? — осведомился Ретур, вставая с колен.

Принцесса покрутила в руках подарок, спросила:

— А серёжки-кометы скопировал? Браслет с изумрудами?..

— Всё есть! — заверил принц.

— Это ж как будет колбасить мачеху, когда она заметит на мне точно такие же драгоценности... — замечталась Граппа. — Нет, я должна это видеть! Чёрта ли тут думать — давай жениться!

Принц хотел было подхватить невесту на руки, но вовремя вспомнил о шлейфе и просто обнял девушку.

— Погоди-ка! — вдруг оттолкнула его принцесса. — Ты сказал, что Фальстарт вылетел вслед за флотом? А если...

— Я это предусмотрел, — успокоил её жених. — Пришлось пообещать Плинтусу адмиральские нашивки, но теперь «Гарантелла» не встретится с эскадрой. Фальстарт заглянет в гости к одним знакомым — и, скорее всего, задержится там надолго.

* * *

В ожидании тяжёлого разговора с адмиралом Бульдозером принц Фальстарт грустил на балконе яхты, смотрел на растущую вдаль голубую звезду и напевал старую космическую песню:

— Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе... Земля в иллюминаторе?! — вдруг понял Фальстарт. — А что она там делает?

Земля между тем делала ровно одну вещь — она приближалась. Икнув, принц нажал клавишу интеркома.

— Плинтус, вы что, совсем сдурели?! Какого чёрта мы делаем в Солнечной системе?

— Маленькая навигационная ошибка, ваше высочество, — скромно пояснил капитан Плинтус. — Мы продолжим путь, как только позволит ступившая на борт полиция.

Немного подумав, Фальстарт молча оборвал связь. Принц провёл рукой по лицу, развернулся к мопсу, сочувственно смотревшему на него чёрными блюдцами глаз:

— Ну и как после этого верить людям, Фин?

* * *

Одна из приятных особенностей мироздания — пусть не все, но многие его обитатели

в итоге получают по заслугам. У Фальстарта были все возможности поразмыслить об этом в течение пяти последующих лет. Земной суд приговорил принца к общественным работам в качестве водителя лунохода, и лишь верный Сфинктер скрашивал его одиночество долгими лунными вечерами. Увы, спикер Ашельм получил-таки премьер-

ский пост в обмен на голосование за Ретура. Почуввав угрозу, принцесса Финита сразу легла на больничный, но это не помогло: монарх обязал её пройти курс лечения от стервозности и выйти замуж. А король Ретур и королева Граппа жили долго и счастливо — настолько, насколько это вообще возможно в нашем безумном космосе.

Тим Мэннинг

Первопроходец

От редакции:

Небольшая зарисовка о путешествии во времени и его последствиях – для отдельного человека и для мировой культуры.

Путешествие во времени возможно. Я первый и последний человек, чьё тело физически перемещалось на семьсот лет назад. Мало кто не знает про машину времени Фиолковского. Её изобретение стало главной новостью планеты на несколько лет вперёд. И, конечно же, науке понадобился доброволец. Сложный многоступенчатый отсев и сотни тестов сократил монструозный список желающих пожертвовать собой до нескольких кандидатур, среди которых я оказалась единственной женщиной. Так уж случилось. Почему выбрали меня? Честное слово, не знаю. Ходили разные слухи. Поговаривали про биограмму мозга и её нестабильность у мужчин. Рассказывали про слепой жребий. И о том, как я понравилась главе отборочного комитета.

Смейтесь, смейтесь. Это сейчас перед вами сидит беззубая старуха. А месяц назад я бы дала фору многим девицам. Там, на столике, фотография. Убедитесь сами.

Правда ли, что я побывала в прошлом? Взгляните на меня ещё раз. Недостаточно? Хорошо. Позже я кое-что покажу. Но вначале послушайте, как это было на самом деле.

Когда меня впервые предъявили публике, я стала популярнейшим человеком в мире. Просто сумасшествие. Только и разговоров было, как я отправлюсь в прошлое и что меня там ждёт. Интервью, встречи, автографы. Наверное, нечто похожее испытал Юрий

Гагарин. Сейчас мало кто его помнит. А ведь он первый космонавт Земли. Я думаю, у нас много общего — за исключением одной вещи. После возвращения Гагарина возили по всем странам, словно живое божество, спустившееся с небес. Меня с тех пор никому не показывали. Разве то, во что я превратилась, похоже на чудо господне? Скорее на создание ада. Им пришлось объявить, что я не вернулась. Это же так просто — взять и сказать, что эксперимент не удался.

Теперь-то всё равно. Мне недолго осталось отравлять воздух. Так что слушайте дальше.

Шаг скачка во времени измерялся веками. Не знаю, в чём причина, — мне Фиолковский не объяснял, а я не спрашивала. По сто лет назад относительно дня отбытия и никак иначе. Комитет усердно заседал, споря, куда меня отправить. Затем состоялись публичные слушания. Всём миром решили, что ничего лучшего, чем эпоха Ренессанса, не придумать. Мы живём в годы второго Возрождения. Так почему бы одним глазком не заглянуть в первое?

Италия. Рим. Площадь Святого Петра, Сикстинская капелла, Папский дворец. Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонарроти. Венец Ренессанса. Вы и без меня знаете, что выбрали 1515 год.

Физики объяснили бы лучше, а я уж как смогу, не обессудьте. Надо было определить и зафиксировать точку имерции. Кажется, так это называлось. Проще говоря, место, где я появлюсь и откуда вернусь домой. В лаборатории смоделировали, как это будет выглядеть со стороны. Ничего особенного. Едва заметная рябь в воздухе, словно след после брошенного в воду камня.

Риски надо было свести к минимуму. Я хоть и доброволец, но не самоубийца. Материализоваться внутри какой-нибудь стены? Перспектива не из лучших. С другой стороны, чистое поле гарантировало здоровье, но как потом найти точку возврата?

Нужен был ориентир. Любой памятник архитектуры, выстроенный ещё тогда и сохранившийся до наших дней. Лучше в неизменном виде. Ниша виллы Бельведер в Ватиканском дворце подошла прекрасно.

Что? Никто не тренировался на крысах? Пробовали, не без этого. Да всё без толку. Временной прокол требует невероятного расхода энергии. Без преувеличения, затраты планетарного масштаба. Вот почему активность точки имерции измеряют в секундах. Схема её работы обычно описывалась на примере окна, которое распаивается, пропускает объект и закрывается. А потребление энергии продолжается. Она тратится на поддержание непрерывного контакта с этой точкой. Иначе повторная активация не возможна. Да, крысу выпускали. Но как заставить её вернуться в правильное место в критическую секунду? Это становится реальным, если животное заменить на человека разумного, знающего и точку, и время.

Мне дали трифон и пять минут времени. Заснять всё, что успею, и назад. Желательно не двигаться. На всякий случай. Каждые шестьдесят секунд появлялась точка инерции. Считать умеете? Правильно. Пять шансов не остаться в прошлом навсегда. Я знала, на что шла.

Пересохло в горле. Спасибо вам. стакан воды не помешает. Так долго я давно не говорила. Спрашиваете, каково это, перемещаться на семьсот лет назад? Точно могу сказать — это совсем не больно. Глазом не успела моргнуть, как лаборатория вокруг меня исчезла. Да слушайте уже, не перебивайте!

Я стояла на широкой мраморной площадке, примыкавшей к двухэтажному каменному зданию. Полукруглую нишу в центре обрамляли два портика, поддерживаемые шестнадцатью колоннами. Вилла Бельведер. Ошибки быть не может. Значит, получилось! Я двинулась вперёд, сделав один маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества. Это

слова первого космонавта, высадившегося на Луну. Нет, не Гагарин. Что? Не важно.

Передо мной открывался невероятный вид на строящийся Ватиканский дворец. Несколько огромных террас спускались вниз, в сторону Сикстинской капеллы, чья треугольная крыша, сложенная из коричневой черепицы, проглядывала сквозь листву деревьев.

Верхняя терраса, над которой возвышался Бельведер, представляла собой великолепный образец ландшафтного искусства. Ряды кустарника, выстриженные в виде геометрических фигур, формировали правильные линии. Между ними виднелись гравийные дорожки, сходящиеся к большому фонтану.

Две мраморные лестницы цвета слоновой кости спускались ещё ниже, на следующую площадку. Она была девственно пуста — земля, перемешанная с песком. Ни травы, ни деревьев, ни построек. Её отвесный край охраняли высокие перила. В центре был разрыв, где копошились рабочие, выкладывавшие ещё один лестничный марш, ведущий на нижнюю террасу. Туда, где шло основное строительство. Ржание лошадей, звуки пилы, удары молота, шумная речь.

Что? Нет, собор Святого Петра ещё не был возведён. И площадь перед ним не обрамлена тремя сотнями колонн. И египетский обелиск, привезённый в Рим Калигулой, возвышался в стороне, там, где когда-то стоял императорский ипподром.

Забыла рассказать вот о чём. Конечно, итальянский я знала. Одно из условий отбора, как-никак. Подобрали соответствующую одежду. Верхнее и нижнее платье чёрного цвета с длинными рукавами. Прозрачная накидка. Причёска с пробором посередине. Выщипанные брови. Сами понимаете, нужно было сделать всё возможное, чтобы в глазах аборигенов я не выглядела белой вороной. Хотя бы на пять минут.

На руку мне закрепили браслет. Жемчужины, переплетённые золотыми нитями. За десять секунд до активизации точ-

ки возврата я ощущала вибрацию. Вы правы, очень похоже будильник.

Первый звонок. Браслет работал. Время утекало. Я достала триофон и хотела начать съёмку, как вдруг услышала звук открывающихся дверей. Кто-то выходил из виллы. Я бросилась к стене, чтобы спрятаться между колоннами, но запуталась в платье и упала. К счастью, ничего не сломала. В тот момент, когда фигура человека появилась в дверном проёме, я уже стояла, прижавшись спиной к стене.

Это был пожилой мужчина. Невысокого роста, седые длинные волосы, пышная белая борода. Кажется, он ничего не заметил. Подволакивая правую ногу, старик медленно шёл к перилам, отделявшим площадку от верхней террасы.

Второй сигнал. Браслет на запястье вибрировал, намекая, что мне пора собираться домой. Триофон! Ощупала платье, потайные карманы. Куда он делся? А, ну, конечно. Именно там, где я растянулась, и лежал драгоценный прибор, способный подтвердить моё путешествие в далёкое прошлое. Растяпа!

Мужчина сделал ещё один шаг и споткнулся о триофон. Иначе и быть не могло. Покряхтывая, он поднял устройство и принялся его разглядывать. Экран светился. В тот момент я не видела его лица, но уверяю вас, на нём было написано глубокое удивление. Да и кто бы отреагировал иначе?

Третий! Вибрация настойчиво призывала вернуться домой. Нужно было решать, что делать дальше. Не отнимать же у него триофон, в самом деле. Ладно, рано или поздно батарея сядет, и аппарат станет бесполезным. Шурша платьём, я кралась вдоль стены к нише, где появилась несколько минут назад. Ещё двадцать шагов. Десять. Пять.

Старик обернулся. Хотите верьте, хотите нет, но это был Леонардо! Высокий лоб, изрезанный глубокими морщинами, седые, нависающие на глаза брови. Нет, ошибиться было невозможно. Меня настиг паралич. Я стояла,

примёрзшая к мраморному полу и недоумевала, как могла забыть, что Джулиано Медичи, младший брат папы римского, поселил да Винчи именно здесь, в Бельведере?

– Signorina, – услышала я хриплый голос мастера. Он обращался ко мне, протягивая триофон. – Prendere.

Вибрация! Четвёртый или пятый раз? Есть ли у меня ещё минута? Я сбилась, потеряла счёт времени. Думаю, вы сможете понять, почему так произошло. Мне нельзя было рисковать. В воздухе появилась рябь, разделившая меня и Леонардо. Я шагнула внутрь и мгновенно провалилась во времени.

Лица работавших в лаборатории вытянулись, когда я материализовалась внутри машины Фиолковского. Кто-то вскрикнул,

не в силах сдержать эмоции. Сработала сирена, появились медики. Так я поняла, что у меня серьёзные проблемы. Остальное вы знаете.

Что? Про доказательство? Чуть не забыла. На столике моя фотография. Да, вы её видели раньше. Сделана на тот самый триофон. Картинка автоматически попала в сеть – так уж это устройство работает. Моё селфи перед посадкой в машину времени. Нервная улыбка, скошенные губы и классический взгляд в сторону, когда вместо камеры смотришь на экран. Детская ошибка селфиста, знаю. Про неё пишут во всех учебниках.

Вон там, на стене, ещё фото для сравнения. Мона Лиза. Джоконда.

Называйте меня как хотите.

Любовь Деркач

Жаль, что она умерла

От редакции:

Рассказ об интригах и заговорах в мире, где самая большая драгоценность для человека – это его имя.

Луиза угасала. День за днём она становилась всё слабее, её лицо теряло краски. Её уже практически было не отличить от призрака с древней картины, что висела на стене рядом с кроватью. Полупрозрачная, неосязаемая сущность.

Луиза умирала. И был свой сарказм в том, что к смерти её приближала болезнь, что уже многие десятилетия не считалась смертельной. Но факторы сошлись в одной точке, сформировали реальность, и от неё было уже не сбежать.

– Ричард, – его окликнули от двери в кабинет. Мужчина едва заметно вздрогнул, опустил взгляд в стакан. Он успел налить себе виски, но так и не выпил. Янтарная жидкость колыхнулась в стакане, когда он обернулся. Его гость, поправляя на носу круглые очки, вздохнул. Ричард знал этот вздох – доктору незачем было что-либо говорить. Но пока он молчал, у Ричарда сохранялась надежда. И со стороны врача было высшей степенью гуманности разрушить её до того, как она пустит корни в сердце.

– Я сделал всё, что в моих силах, – проговорил доктор. Ричард только кивнул. Правила приличия, этикет запрещали ему выдавать свои чувства. Сердце оборвалось и рухнуло вниз с огромной высоты, рассыпавшись с хрустальным звоном.

— Я понимаю, Джонатан, — всё-таки откликнулся мужчина, движением приглашая доктора присесть.

— Дальше всё зависит лишь от сил Луизы, дальше ей придётся справляться в одиночку, — проговорил доктор, усаживаясь в кресло у камина. Ричард не стал спрашивать, много ли у его супруги шансов победить болезнь. Он и так знал, насколько она слаба.

Молчание повисло над головой, как тяжёлый занавес, готовый опуститься. Ричард всё-таки отпил из стакана, но так и не почувствовал вкуса. Холодное прикосновение стакана к губам напомнило о правилах гостеприимства. Ричард предложил Джонатану выпить. Доктор отказался.

— Ричард, — Джонатан снова заговорил. Он ободряюще похлопал мужчину по руке, лежащей на подлокотнике кресла. — Может, стоит обратиться к Кассандре. Её способности касательно таких... тонких материй всегда были поразительными. К тому же она всё ещё вхожа в Орден, а это даёт ей множество возможностей.

— Жаль, что она умерла, — откликнулся Ричард, опуская стакан на столик между креслами. На нём покоилось несколько газет. Ричард не читал газет последние несколько недель. Но слуги их не трогали. Несколько дней назад Ричард накричал на слуг и запретил им заходить в кабинет. Сказывались волнительные, тяжёлые недели. И вот теперь на столике скопилась целая кипа газет.

— Умерла? — переспросил Джонатан. Его взгляд упал на газеты, да так на них и замер. Он потянулся, осторожно перебрал печатные материалы. — Но как же... смотрите, Ричард, — проговорил он, разворачивая газету и отыскивая взглядом нужное место. — Вот, — прочитал он, подслеповато щурясь сквозь стёкла очков, — «вчера состоялся благотворительный вечер мисс Франсуазы Благодетельной, приуроченный к пятой годовщине гибели её папеньки»... так, это не то... ага, вот, — «на приёме также при-

существовала мисс Кассандра, назвавшаяся Недоброй».

— Что?.. — Ричард потянулся к газете, которую Джонатан услужливо повернул к нему нужной стороной. — Это невозможно.

Доктор только улыбнулся.

— Быть может, ваша информация не слишком правдива, друг мой?

Ричард перечитал заметку три раза. Но сомнений не могло быть, это была Кассандра. Не многие люди, вхожие в высшее общество, так смело использовали чёрные имена там, где неписанные правила этикета требуют использовать золотые.

Доктор ещё раз наведалься в комнату к Луизе. И покинул дом Ричарда. Но мужчина и сам не стал задерживаться надолго. Он схватил с вешалки шляпу и вышел в прохладу ночного Лондона.

Он прошёл всего полквартала. Взбудораженный внезапной информацией, возбуждённый, окрылённый пусть хрупкой, но все же надеждой. Но сырого городского воздуха оказалось достаточно, чтобы его отрезвить. Он остановился и окинул взглядом улицу, прежде чем поймать карету. Дом Кассандры находился на другом конце города, идти туда пешком было слишком долго. А карета домчала Ричарда в два счёта.

Небольшой домик был зажат между двумя зданиями, подпирающими его с обеих сторон. Не имея других возможностей, он вырос вверх, ударив в небо заострённой крышей, словно молодой побег остролиста. Ричард против воли усмехнулся. Кассандру долгие годы звали колдуньей, избегая в глаза называть более резким словом — «ведьма». Насколько правдиво было это обращение, Кассандра никогда не признавалась, хотя вопрос звучал на каждом приёме. Впрочем, в городе женщина не появлялась много лет. До того приёма две недели назад.

Ричард поднялся на несколько ступенек крыльца и потянулся, чтобы постучать. Но не успел. Холодный осенний ветер тол-

кнул его в спину, а заодно задел дверь, которая, скрипнув, приотворилась.

Ричард нахмурился. Входить в чужой дом без разрешения невежливо. При условии, что у дома есть владелец, конечно.

Мужчина толкнул дверь и вошел в полумрак коридора. Прошёл вглубь комнаты, поднялся на первые несколько ступеней лестницы. Они отозвались протестующим скрипом. И продолжали стонать до самого верха.

На втором этаже оказалась несколько комнат. Дверь в одну из них была приоткрыта. Ричард вошёл. Что-то было неправильным, какое-то неуловимое ощущение царапало нервы. Несколько кресел у стеллажа с книгами, большой комод, картины на стенах... пара стульев у столика, на котором удобно разместилась шахматная доска. Ричард подошёл поближе, окинул взглядом четыре ряда разноцветных фигур. Почему-то они стояли по одну сторону, чередуясь друг с другом. Шеренга белых, шеренга чёрных...

Ощущение, что за ним наблюдают, пронзило его неожиданно. Ричард вскинул голову, оглянулся. И почти сразу заметил того, кто на него смотрел. Вернее, не кто, а что. На него смотрел комод. Большой круглый глаз зиял темнотой зрачка где-то между завитков декора. Мужчина отпрянул и зацепил столик. Чёрно-белые фигуры посыпались во все стороны.

Комод глядел недружелюбно. Он словно бы говорил, что Ричарду здесь не рады. И ему вторило приглушённое рычание откуда-то из-под пола. И из-за занавесок на окнах. Комнату словно подёрнуло туманом.

Ричард понял, что пора уходить. Он в последний раз обернулся, выходя из комнаты, — и внезапно обнаружил себя на улице. За спиной заржала лошадь, зацокали о брусчатку подковы. А перед ним в полумраке коридора, видимого сквозь полуоткрытую дверь, маячила женская фигура.

— Не стоит входить в дом без спросу, — проговорила женщина. Она говорила спокойно,

но тёмные глаза словно обжигали. Ричард чуть отшатнулся и едва не оступился. В следующее мгновение дверь перед ним захлопнулась. Ричард вздохнул. Он возвратил на голову снятую в доме шляпу и развернулся было уходить, но передумал и вернулся на крыльцо.

— Кассандра, — окликнул он, прежде чем постучать, — я прошу простить мою бестактность, но мне нужно с вами поговорить.

Дом отвечал безжизненной тишиной.

— Кассандра! — чуть громче крикнул Ричард, поднимая голову и вглядываясь в окна, затемнённые тёмными занавесками. Он сглотнул. И спустя мгновение осторожно продолжил: — Позвольте мне сыграть с вами партию в шахматы в качестве извинения?

Не успел он закончить фразу, как дверь приоткрылась. В полоске тусклого света, идущего с улицы, появилось женское лицо. Хозяйка дома смерила мужчину взглядом. Ричард снял шляпу, чуть склонил голову. Кассандра отступила в полумрак коридора.

— Проходите, — проговорила она. Слуг в доме, кажется, не было. Может, именно потому он выглядел нежилым. Но женщина, представляющаяся исключительно чёрными именами, по определению должна была быть эксцентричной.

Они поднялись на второй этаж в полном молчании. Кассандра движением руки пригласила Ричарда сесть за шахматный столик. Ричард только покосился через плечо. Сидеть спиной к злосчастному комоду было не слишком приятно. Но отказаться значило снова обидеть хозяйку. Кассандра села напротив и принялась расставлять фигуры на доске в правильном порядке.

— Я знаю, зачем вы здесь, — проговорила она, не поднимая головы от доски. Ричард понимающе кивнул. Кассандра усмехнулась.

— Я не ясновидящая. Но Лондон буквально гудит слухами о вашем несчастье. Люди любят обсуждать чужие беды, — добавила она. И в комнате снова воцарилась тишина.

Ричарду выпало играть за белых. Фигуры успели заполнить поле, когда Кассандра снова подала голос.

— Мне нужна будет ответная услуга, — проговорила она, впервые за всё время посмотрев прямо ему в глаза.

— Я слушаю, — отозвался Ричард. Кассандра улыбнулась.

— В городе все еще есть места, куда женщина не может прийти без сопровождения.

* * *

Они встретились на перекрёстке, когда было уже далеко за полночь. Ричард в глубине души надеялся, что она не появится. Но женщина пришла. Стук её каблучков о брусчатку раздавался глухо, словно ночная темнота сглаживала звуки. Ричард не успел даже поздороваться. Он только нелепо дёрнулся, коснулся пальцами полей шляпы. Но Кассандра прошла мимо него, едва заметным кивком позвала за собой и скрывалась в неприметном переулке между двух домов. Она шла быстро. Подол тёмного платья собирал сырую грязь. Влага всё ещё стояла в воздухе, хотя дождь уже кончился. После него осталось свежее дыхание улиц и грязь, прилипающая к туфлям.

Через два квартала Кассандра остановилась. И впервые за всё это время подала голос.

— Вашу книгу, Ричард.

— Что? — мужчина помимо воли дёрнул рукой, коснулся груди, где под слоем ткани в кармане пряталась указанная вещь. Кассандра протянула руку и повторила:

— Вашу книгу.

Свою книгу каждый ребёнок получал при рождении. Её обложку украшали, в переплёт прятали различные обереги. Если верили в их силу. И чуть пожелтевшие страницы заполнялись именами. Каждый эпитет, сказанный в адрес человека достаточно искренне, мог стать его именем. Он заносился на страницы книги и окрашивался в один из цветов — золотой либо чёрный. В зависимости от того,

с каким настроением был произнесён. В этих именах хранились черты характера, проявленные в той или иной ситуации. То, какими увидели эти черты другие люди. И каждое имя его владелец мог использовать лишь однажды. Использованное имя теряло свой цвет, тускнело, но не исчезало со страниц. Оно создавало репутацию, наделяло человека ореолом того значения, которое в себе несло. И каждый человек неизменно старался сохранить себе хотя бы одно золотое имя — чтобы произнести его на смертном одре. Потому что человек остаётся в памяти под тем именем, что было произнесено последним.

Но бывало и так, что имена заканчивались до того, как человек умирал. Такие несчастные становились Безымянными, они теряли черты, становились серыми, сливались со всеми. Их забывали даже самые близкие друзья. Их книги истлевали, а вслед за ними исчезали и они сами — порой не без помощи Ордена, который многие годы вёл на них охоту.

— Ричард, мы не можем стоять здесь до утра, — напомнила о себе Кассандра. Мужчина достал из кармана пиджака чуть потрёпанную книжку с коричневым переплётом. Женщина раскрыла книгу, пробежала взглядом по строчкам. Она перевернула всего несколько страниц, прежде чем её лицо исказила ухмылка.

— Вы истратили почти весь свой золотой запас, Ричард, — проговорила она, поднимая взгляд. — До чего же вы лицемерны! — она захлопнула книгу и протягивая её обратно владельцу. — Это имя и используйте. Здесь не в почёте золотые имена.

Она развернулась и постучала в дверь, что была за её спиной.

— Кто такие? — не слишком вежливо осведомился привратник. Кассандра улыбнулась.

— Мы приглашены, — она протянула мужчине листок. Тот покосился на него, вырвал из руки женщины и смял в своей огромной лапе.

— Проходите, — глухо проговорил он, отходя в сторону. Кассандра первой ступила в темноту, Ричарду ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Он услышал, как за спиной снова закрылась дверь. И повисла тишина, усугублённая царившим вокруг мраком. Наконец впереди что-то блеснуло. Один раз, второй... пока не разгорелось светом сразу нескольких свечей, оплывающих воском на старый канделябр. На этот раз дверь пришлось открывать самостоятельно. Но то, что Ричард увидел за ней, никак не вязалось с тем, что он успел себе вообразить.

Зал ослеплял рядами свечей по обе стороны. Они тянулись вдоль стен, отбрасывая причудливые блики на витые рамы картин. Пространство дышало роскошью и богатством, которое никак не ожидаешь встретить в трущобах. Ричард поднял голову, и его взгляд скользнул по лицам, запертых в рамках портретов. Везде только портреты. Он узнавал эти лица. Короли минувших лет, правители, серые кардиналы... великое множество серых кардиналов. Тех, в чьих руках была власть, отличная от той, что держали номинальные правители.

— Кассандра! — её окликнули. Женщина обернулась на голос. — Похоже, вы последние, кого мы ждём, — проговорил мужчина. Он скользнул колючим взглядом по Ричарду. — Ваш спутник?..

— Ричард... Лицемерный, — представился мужчина, чуть запнувшись на чёрном имёни. Считалось, что озвученные имена усиливали ту черту, которую они подразумевали. Было ли это правдой, никто не мог сказать доподлинно.

— Так это и правда вы, — мужчина, так и не назвавший своё имя, заулыбался. — Вы не ошиблись, — на этот раз он обращался к Кассандре. Женщина улыбнулась.

— Как и ожидалось.

— Несчастье, постигшее вашу семью, ужасно, — он снова обернулся к Ричарду,

заставив его едва заметно напрячься. Спекулировать на трагедии, что случилась с его супругой, было по меньшей мере низко. Подобные приёмы использовали единицы. И Ричард смотрел на случайного собеседника пристально, ожидая, пока он озвучит причины такой игры. Он не заставил ждать. — Королева, неспособная защитить своих подданных, не в праве занимать трон, — сердце Ричарда отозвалось низким гулом, во рту мгновенно пересохло. Немногие знали, что состояние Луизы имело отношение к прежней работе Ричарда, работе на корону. Но это было второстепенным. Гораздо важнее был факт, который разнёсся в сознании колоколом. Здесь творился заговор против короны. — Но, поверьте, мы отличаемся от Ордена. Мы обеспечим вам поддержку и защиту.

Ричард сглотнул.

— Я здесь именно за этим, — голос прозвучал глухо. Собеседник улыбнулся и едва заметно кивнул.

— Полагаю, нам пора начинать, — он кивком позвал Кассандру за собой и, развернувшись, первым направился к столу. Ричард придержал женщину за локоть.

— Какого чёрта тут происходит? — прошипел он еле слышно. — Во что вы меня втавили?

Кассандра лишь улыбнулась, чуть склонив голову в его сторону и тихо проговорила, коснувшись дыханием его щеки:

— Просто постарайтесь вовремя убежать.

С этими словами они влились в поток из нескольких десятков людей, что неспешно двигались к столу. Кассандра подобрала полы платья и чуть приподняла бровь, улыбаясь Ричарду. Мужчина чуть замешкался с тем, чтобы отодвинуть для неё стул, прежде чем устроиться рядом. Все рассаживались вокруг длинного стола, во главе которого восседал их недавний собеседник. Наконец бокалы были наполнены, и вино заблестело золотом в отблесках свечей.

— Итак, братья мои, — мужчина поднялся, окинул присутствующих взглядом. — Мы долго шли к этому моменту. И сейчас я с радостью вам сообщаю, что мы переходим к активной фазе нашего плана. — Он замолчал, ожидая, когда утихнет радостный гул. — Уже через несколько недель нынешняя безалаберная власть будет свергнута, и на её месте мы создадим новую, во главе с истинным королём... — оратор едва заметно усмехнулся. «С ним», — понял Ричард. Это не нужно было даже озвучивать. — Но прежде я должен отметить того, кто приблизил этот день... Кассандра, — он нашёл взглядом женщину, — друзья мои, позвольте вам представить — Кассандра Лживая.

Женщина, на которую разом обратились все взгляды, вышла из-за стола.

— Идите сюда, встаньте рядом со мной, прежде чем я назову своё имя, имя будущего короля!

Толпа снова загудела. Ричарду почудился стальной блеск в правом рукаве Кассандры. Она подошла к мужчине, встала справа от него.

— Моё имя — Георг. Георг Великий! — провозгласил мужчина, поднимая бокал. Зал откликнулся стройным хором «За короля Георга!», и все пригубили вино. Все, кроме Кассандры. Она поставила нетронутый бокал на стол.

— Это прекрасное имя, — проговорила она, — Достойное, чтобы войти в историю.

Ричард быстро метнул взгляд на то место, где сидела Кассандра. Среди столовых приборов не хватало одного предмета.

В Кодексе Ордена Королевского Имени было не так много правил. Но одно из них было незыблемым. Члены Ордена не имели права убивать того, кто не назвал им своего имени.

Кассандра ударила одним резким движением, и зубцы вилки вошли в горло Георга. Хлынула кровь, стекая по серебряной ручке, заливая сжимающие её пальцы.

— Именем королевы, — Кассандра не повышала голоса, но в повисшей тяжёлой тишине простые слова раздались колоколом.

Члены Ордена вскочили с места. Чей-то громогласный выкрик разбился о высокие своды зала:

— Властью Ордена Королевского Имени вы задержаны!

Кто-то приставил противникам нож к горлу, кто-то скручивал им за спиной руки и связывал. Ричард схватился за спинку стула и резко потянул на себя, опрокидывая своего соседа по столу на пол.

— Ричард, уходите! — достиг его слуха голос Кассандры.

Ждать Ричард не стал. Уже пять лет его не заботили ни дела Ордена, ни проблемы короны.

Первый выстрел грянул уже за его спиной. Ричард нырнул в проход, ведущий в труппы. После грохота, шума и криков, которые окутали величественный зал Георга, тишина коридора давила на уши. Привратника на месте не оказалось.

Ричард вышел из перехода и прислонился спиной к чуть влажной стене. На город успела опасть роса. А, может, всему виной недавний дождь. Ричард прикрыл глаза. И сам не заметил, как по его лицу сама собой расплзлась улыбка. Навыки так просто не уходят. И его сердце, которому положено было бешено колотиться, стучало ровно, словно ничего и не произошло.

Прошло не более получаса, прежде чем из прохода показалась Кассандра.

— Кассандра, — окликнул Ричард. Женщина обернулась на голос. И ответила на вопрос, не дав мужчине времени его задать.

— Простите, Ричард. Я должна была привести вас, чтобы они окончательно поверили. Вы всё-таки легенда Ордена, — она тихо засмеялась, — и вы сами ко мне пришли.

— А вы пытались меня прогнать, — Ричард покачал головой. Кассандра пожала плечами.

— Я не ждала гостей. Но теперь вы свободны. Спасибо, — Кассандра чуть склонила голову, — Прощайте, — она развернулась. Подол её платья проворно зашуршал, собирая с брусчатки липкую грязь и мелкие жёлтые листья.

— Кассандра, моя жена... — окликнул Ричард, бросившись следом. Кассандра остановилась.

— Орден не вмешивается в дела, которые не касаются короны, — проговорила она холодно. Ричард несколько мгновений смотрел в её затылок, где в тугой пучок были собраны чёрные волосы.

— И не нарушает данных обещаний, — добавила она.

* * *

В комнате Луизы многие дни ничто не менялось. Ричард боялся даже прикоснуться к предметам, словно это могло каким-то образом повредить его супруге. Слуги лишь протирали пыль, приносили новые цветы взамен увядших. Кассандра стянула с руки перчатку, провела ладонью над лицом спящей женщины.

— Вам лучше выйти, — проговорила она. Но Ричард только покачал головой.

Кассандра не стала спорить:

— Как знаете.

Ладонь, скользкая над Луизой, замерла. Кассандра распутала шнуровку на шее женщины, открыла грудь. Она медленно вдохнула и коснулась ладонью кожи Луизы. Как-то резко, словно в попытке не дать себе возможности передумать. Ричарду сложно было судить о том, что происходило перед его глазами. Кассандра напряглась внезапно всем телом, словно прикосновение к Луизе было невыносимо болезненным.

Когда Кассандра заговорила, её голос было не узнать. Хриплый, он вырывался из горла рывками, словно каждую фразу женщина выплёвывала с невероятным усилием. Слов было не разобрать, да Ричард и не пытался. Он мало знал о за-

клонаниях, но в одном был уверен: они произносятся не на том языке, на котором говорят живые. Это язык нечистой силы, язык мёртвых, язык колдовства. Простым смертным не дозволено иметь к ним доступ. А те избранные, что получили этот дар, дорого за него расплачивались. Кассандру било крупной дрожью, по лбу градом катился пот. Она свободной рукой прижала свою ладонь к груди Луизы, продолжая повторять одни и те же слова. И Ричарду почудилось, что в тёмных волосах прибавилось серебряных нитей.

Кассандра замолчала. Ещё несколько долгих мгновений она стояла неподвижно, неотрывно глядя на Луизу. Потом медленно отступила, переводя дыхание.

Луиза открыла глаза и сонно прищурилась, садясь на кровати. Покосилась сначала на Кассандру, потом на Ричарда. Мужчина улыбнулся. Краски возвращались на её лицо практически на глазах, словно какой-то добрый волшебник заново её раскрашивал. Вполне конкретный волшебник, предпочитающий использовать чёрные имена.

Кассандра вздохнула.

— Я вас оставляю.

— Погодите, я прикажу подать вам воды, — откликнулся Ричард. Но женщина покачала головой.

— Не стоит. Оставайтесь...

И тут прозвучал слабый голос Луизы.

— Кто вы? — спросила она. Кассандра обернулась к ней, готовая произнести своё имя, но... Луиза неотрывно смотрела на Ричарда. Мужчина улыбнулся.

— О, прошу вас, не переживайте, — заговорил он. — Моё имя Ричард Искренний.

— Луиза, — откликнулась женщина, представляясь в ответ, как того требовали правила приличия. — Луиза Светлая.

Кассандра тихо вышла из комнаты. Слуга провёл её в кабинет Ричарда. Мужчина и сам не заставил себя долго ждать. Он вошёл в кабинет, прикрыл за собой дверь

и улыбнулся Кассандре, казалось, даже несколько виновато.

— Простите, что заставил вас ждать, — проговорил он. И, чуть покосившись на дверь, добавил, — Она уснула. Она всегда много спит, — добавил он тише. Кассандра не ответила. Она стояла в дальнем конце кабинета, у стеллажей с книгами. И неотрывно смотрела на столик, накрытый прозрачным куполом.

— Почему вы не сказали? — едва слышно заговорила Кассандра. Под стеклянным куполом лежала книга, исписанная золотым и чёрным. Книга Луизы. — Ваши золотые имена... вы истратили их на неё.

Использованные, потускневшие, имена не становились бесполезными. Они хранили в себе личность, её отличительные черты, характеристики. Книга Луизы была разорвана. Целым остался разве что переплёт. Разорванная книга разрушала личность, оставляя от неё только ошмётки.

— Вы представляетесь ей каждое утро?

— Нет, — Ричард покачал головой, — иногда она меня помнит несколько дней.

Разорванные листки местами были аккуратно склеены. Кассандра прочла несколько золотых имён — Ласковая, Милая, потускневшее Светлая, которое она использовала этим утром. И чёрное — Коварная.

Кассандра кашлянула. Ощущение безысходности захватывало, затягивало в водоворот, грозя утопить. И Кассандра, спасаясь, подала голос.

— Вам стоит вернуться в Орден. До того, как Её Величество попросит вас лично, — проговорила она. Ричард улыбнулся. Он успел присесть за шахматный столик. Он отличался от того, что стоял в доме Кассандры. Но разве что тем, что фигуры блестели полированными боками.

— Обыграйте меня, Кассандра, — пригласил он. Женщина улыбнулась, но покачала головой.

— Мне нужно домой, — проговорила она. Ричард кивнул. Но всё же подал голос, прежде чем она вышла.

— Жаль, что она умерла.

Кассандра обернулась на голос. Во взгляде прочитался вопрос. Ричард улыбнулся, чуть скосив на неё взгляд. Он расставлял фигуры на доске. Раз уже Кассандра отказалась, ему придётся играть в одиночку.

— Кассандра, которую я знал Смелой, — объяснил он, чуть опуская взгляд. Тот бой слишком многое изменил — его последствия по сей день хранились под стеклянным колпаком. Служение короне редко обходится без жертв.

Женщина вздрогнула. Следом за вопросом в её глазах отпечатался страх. Она отпрянула, словно Ричард мог на неё напасть.

— Но ей ведь больше не нужны её имена, — добавил он, выставляя второй ряд фигур. Безымянная замерла в проходе, не решаясь ни уйти из комнаты, ни снова вернуться к человеку, раскрывшему её тайну. Так глупо попасться, встретить того, кто лично знал Кассандру...

— Знаете, — Ричард покрутил в руках чёрную фигуру, — с началом новой партии ладья снова возвращается в свою клетку. — Он поставил фигуру на доску и поднял взгляд, глядя прямо в глаза женщины. — А та же она или другая... кто тут возьмётся судить?

Безымянная выдохнула.

— Спасибо, Ричард. Вы очень добрый.

Мужчина улыбнулся. Тут и ему было в пору её благодарить. За ещё одно имя, которым он сможет представиться своей жене.

Андрей Хорошавин

Переправа

От редакции:

Миниатюра, рассказывающая, что на самом деле случилось с Архимедом.

212 век до нашей эры. Сицилия. Сиракузы доживают свои последние часы. Два года изнурительной осады. Греки не сдались, а Рим не мог больше терпеть. Наступило время последнего штурма.

Куцые римские шлемы замелькали на стенах. Греки сопротивлялись яростно. Зная, что пощады не будет и город уже не удержать, они старались забрать с собой как можно больше ненавистных всему миру сынов волчицы.

Безысходность удвоила силы осаждённых. Они не просили пощады, а сами искали смерти. С искажёнными злобой окровавленными лицами они бросались на врага, повергая его в ужас и заставляя пятиться и отступать. Римляне посыпались со стен. Сначала по одному, затем группами. Вот уже в глазах сиракузцев вновь блеснул огонь надежды. Взвыли победно медные трубы. Но в этот момент страшный рёв разлетелся окрест. И небо содрогнулось от этого рёва, рвавшего из тысяч ликующих римских глоток.

Не выдержав напора, рухнули ворота, и легионы Марцелла безжалостной железной рекой хлынули в город. Началось избивание. Солдаты убивали людей, разрушали дома. Но с ещё большим остервенением они рубили ненавистные им механизмы, погубившие за время осады столько римлян, сколько не смогли убить орды Ганнибала за всю войну.

Разгорячённый боем легионер ворвался во дворик и остановился в нерешительности. Посреди двора, не обращая внимания на происходящее, на деревянной скамье сидел человек. Ветерок шевелил края его тоги и чёрные, местами выбеленные сединой волосы. Человек держал в руке ивовый прут и рисовал им на песке непонятные для солдата знаки.

Меч опустился сам собой. Человек взглянул на легионера и улыбнулся. В глазах сверкнула озорная искра. Он спокойно произнёс:

– А. Вы уже здесь. Только прошу, не стирайте формулы, – и невозмутимо продолжил писать.

– Что-о?! – Легионер заревел как бык и взмахнул мечом.

– Жми-и-и!

Гладий, издав тонкий свист, рассёк воздух. Глаза легионера округлились, и он в страхе бросился бежать.

Рубка наполнилась звонким смехом. Молодые лица. Тонкие пальцы проворно перебирают клавиши на панели.

– Успел?

– Успел, успел. Сейчас закрою портал, и пойдём посмотрим.

Девушка в нетерпении запрыгала на месте. Комбинезон, плотно облегающий её стройную фигуру, окрасился оранжевым. Парень щёлкнул последнюю клавишу и сорвался с места со словами:

– Кто последний – тот хвост кибриолиса!

– Так нечестно! – Девушка бросилась за ним.

Они миновали ещё одну рубку. Хохоча, пронеслись по длинному овальному коридору и остановились у прозрачной панели.

За стеклом на деревянной скамье сидел человек. Тога свисала мягкими складками.

Чёрные с проседью волосы падали на высокий лоб. Человек что-то писал на песке ивовым прутиком.

Парень пропустил девушку ближе к панели:

– Смотри.

– Кто это?

– Не знаю. – Он положил руку её на плечо. – Но вот что интересно. Я их уже столько переправил, и каждый раз всё одно и то же.

– Что одно и то же?

– Да они все какие-то одинаковые. –

Парень чуть выгнул губы. – Они даже не понимают, что произошло. Они просто не замечают ничего вокруг. Они все что-то пишут, пишут, и для них самое главное, чтобы было чем и на чём писать.

– Чудно. – Девушка повернулась и поцеловала парня в щёку. – А зачем они нам?

– Не знаю. – Он крепко прижал её к себе. – Решением правительства их всех переправляют в наше измерение. Говорят, там они не нужны. Там главное деньги, слава, власть. Там их убивают, морят голодом, изводят насмешками, считая сумасшедшими. Вот правительство и забирает их сюда.

– А что такое деньги? – она поцеловала его ещё раз.

– Не знаю. Пошли. А то до следующего сеанса осталось тридцать минут.

– Кого переправляем?

– Без понятия. Знаю только, что этого на костре сжечь должны.

– Ужас! Бежим скорее! Кто последний – тот бакура!

И молодые люди с шумом умчались вглубь овального коридора.

Саша Тэмлейн

Под ветвями вишни, с печеньем...

От редакции:

Небольшой рассказ о том, как желания влияют на реальность. Если, конечно, такая штука, как реальность, вообще существует.

Памяти Рэя Брэдбери

Разговор этот состоялся в полдень. — Это так странно, — сказала миссис Уоринг, прихлёбывая тёплый, ароматный чай.

Тот слегка остыл, но над ним всё ещё продолжал виться лёгкий дымок. Почтенная старушка взяла небольшое печенье из фарфоровой вазочки.

— Что именно странно, дорогая? — степенно поинтересовалась у неё мисс Мейдфлора, с лёгким оттенком любопытства наблюдая за детьми, играющими в саду.

Её чай давно остыл и поблёскивал в чашке бронзовым зеркалом. Благоуханные ветви вишен спустились к самой беседке.

Что именно странно?

Миссис Уоринг вдруг подумала, что ей ужасно лень объяснять, — но она была упрямой (во всяком случае, полагала себя таковой) а потому настойчиво трянула головой, прогоняя излишнюю сонливость и попыталась вспомнить, что же она всё-таки имела в виду. Ветка вишни покачивалась над самым столом, белые цветы распространяли сладкий, одуряющий аромат. В ветвях чирикали невидимые птички, ветерок трепал волосы и заставлял наклоняться цветы настурции, которые мисс Белтифай посадила прошлой весной. Солнце медленно ползло по васильковому небосклону, и мыс-

ли словно растворялись в ленивой, полуденной дремё, бликами тонули в неспешном зеркале реки, растворялись среди запаха лилий и чайной розы. Весёлые крики ребятни доносились из сада, словно яркие всплески.

Старушка рассеянно помассировала виски, пытаясь ухватить, вернуть ускользающую мысль. Всё казалось таким привычным, таким настоящим — так что же не давало покоя? Истина словно издевалась над ней, танцуя на самом краешке сознания. Наконец, отчаявшись поймать её, мисс Уоринг сделала крохотный глоток чая. Быть может, он поможет ей вернуть ясность мысли?

— Ну всё... Вот это? — наконец неуверенно пожала плечами она и сделала робкий жест, словно желая включить в него всё вокруг — тихую, словно притаившуюся в саду усадьбу, терпко пахнущие кусты черёмухи и сирени, настурции и гладиолусы, старые груши и сливы, опустившие ветви почти до земли. — Скажи, неужели ты не помнишь? Разве всегда... было так?

— А неужели нет? — улыбнулась ей Лютеция. — Мы всегда сидели и попивали этот славный чаёк, благослови его Господь! Иногда к нам ещё приходила эта старая кошёлка Белтифай, чтоб наконец-то прохудилась её старая тарантайка! Чтоб её разразила гром и молния — она постоянно пытается проехать по моим настурциям!

Петуния Уоринг улыбнулась пылу, с которым мисс Мейдфлора защищала свои цветочные клумбы. И всё же ощущение неправильности сохранялось, словно зацепилось за что-то в уголке сознания.

— Я буду пришельцем с Юпитера!

— А я — амёбой с Венеры! — донеслось до неё из сада.

Неугомонная ребятня играла в пришельцев, поливая друг друга из водяных пистолетов. Ветерок пошевелил страницами «Таймс». Вздохнув, Петуния надела пенсне. Аккуратно поправила его, поднесла газету поближе:

«Изучение работы флуктуатора потенциальных реальностей выявило стабильную работу последней модели. Напрямую контактируя с информационным полем и слагающими его индивидуумами, они вносит корректировки в существующие схемы мультиверсума...»

Брат мисс Уоринг был физиком, специализирующимся на теории вероятности, и она внезапно заинтересовалась заметкой.

— Надо же, — сказала она. — Смотри-ка, Мейд — флуктуатор таки работает, кто бы мог подумать! Теперь наши мысли ежедневно меняют устоявшуюся реальность. Каждую секунду. Ты только представь! Никогда бы не подумала, что это возможно. Первые несколько запусков ведь были неудачными...

— И что это значит? — спросила пожилая уроженка Бирмингема и улыбнулась. Морщинки солнечными лучиками разбежались от её глаз. — Ты же знаешь, дорогая, я совершенно не сильна в математике.

Лютеция допустила вопиющую глупость, отнеся физику трансверсума к области математики, но Петуния была так увлечена статьёй, что даже не обратила на это внимания.

— Это значит, что каждая твоя мысль, каждое твоё желание меняет мир! Раньше мы могли это делать лишь опосредованно, через развитие научно-практической мысли, а теперь достаточно лишь захотеть, и мир начнёт меняться прямо на глазах! Информация считывается прибором прямо из информационного поля планеты! Вот уж никогда не думала, что удастся этого добиться! Покойный Берси — да смилостивится к нему Господь! — всю жизнь положил на это!

— Ох, милая, — вздохнула Лютеция. — Это всё для меня слишком сложные материи. Я — тихая пожилая леди, которая просто хочет дожить свои годы в тихой уютной беседке, слушая звонкие голоса детишек,

раскачиваясь в кресле-качалке и вдыхая аромат вишен. Ты только посмотри, какие вишни – ох, какие вишни в этом году!

Старушка протянула ладонь к свисающей ветви, усыпанной крупными белыми цветами, и ветка словно сама потянулась к ней. Лёгкий ветерок заставил трепетать лепестки, сорвал несколько цветов и уронил ей на подол. Мисс Мейдфлора улыбнулась.

А миссис Уоринг, напротив, внезапно охватило возбуждение. Словно кровь заново, с юношеским задором ударила по старческому, хрупким жилам, заставляя сердце больно и пронзительно стучать в грудную клетку. Она вцепилась пальцами – узловатыми, покрытыми выпирающей сеточкой вен – в подлокотники старого, орехового дерева. Выпрямилась в кресле, словно проглотив трость. Губы пересохли, и даже слова дались ей с трудом.

– Вишни, дети и кресло-качалка! – выпалила она.

Её острые коленки под юбкой из твида задели столик, и зеркало чая в тонком фарфоре опасно накренилось.

– Ты действительно хочешь этого, Лютеция?

– Конечно, – улыбнулась она. – И терпкий, душистый чай. С бергамотом.

Петуния осела в кресле, поражённая страшной догадкой. Неужели... Неужели... А чего хочет она? Её собеседница улыбнулась ей мягкой, привычной улыбкой. Старое кресло-качалка заскрипело. Немного странно – кресло-качалка посреди сада. Стояло ли оно здесь в начале разговора? Петуния не смогла припомнить. В полнейшей растерянности она подняла со стола свежую, ещё пахнущую типографской краской газету. Она так привыкла читать газеты – но откуда здесь взялся свежий «Таймс»? Неужели приходил почтальон? Она никак не могла оживить свою память. Мысли, мечты и воспоминания причудливо переплетались в её голове, тонули

в мягкой кипени белых вишен. Она поняла чашку из тонкого фарфора. Берси так любил фарфор... От чашки пахло мятой – такой приятный, знакомый с детства запах...

Не в силах сосредоточиться, она снова пробежала глазами по убористым, жирным строчкам: «Меня реальность, мы будем менять и нашу память, ибо память – такая же часть реальности, как и всё остальное. Мы станем забывать, какими мы были, – но в конечном итоге мы станем от этого лишь более счастливыми...».

– На нас напали пираты с Плутона! Бегите! Спасайтесь! – мимо неё пронёсся вихрастый мальчонка в цветастой рубашке.

Водяной пистолет в его руке выпустил тонкий луч, впившийся в ствол одной из старых яблонь. Что ж, в этом нет ничего необычного.

«С тех пор, как мы нашли вариатор реальностей – практически единственное, что осталось от исчезнувшей земной цивилизации, – понадобилось почти пятьдесят лет, чтобы заставить его заработать... И сейчас мы меняем реальность ежесекундно, точнее, гораздо быстрее – каждую наносекунду мы изменяем окружающий нас мир, делая его лучше и приятнее для нас...»

Несколько мягких лепестков упали на полированный круглый стол, мягким бархатом танцуя на поверхности лака. Наполовину пустая чашка неожиданно снова оказалась полной, но Петуния не удивилась этому – всё шло именно так, как и должно было. Пенсне исчезло, ведь у неё было превосходное, прекрасное зрение.

«Некоторые специалисты в сфере транспространственных вариаций также придерживаются точки зрения, что информационное поле планеты способно накапливать и хранить информацию, подобного громадной квантовой ячейке. И тогда накопившаяся память многих миллионов земель может начать воздействовать на нас, перекраивая по своему образцу и подобию. Однако по-

следние исследования в фрактальной геометрии Джонатана-Страуда позволяют с полной уверенностью говорить о антинаучной подоплёке подобных воззрений... Впрочем, отвлечёмся на миг от сухой научной лексики. Взгляните вокруг! Разве мы не всегда обожали пить чай, настоянный на травах, собранных во время Белтейна? Рецепт этого чая был привезён нашими предками из кратера Коперника. Разве наши дети не продолжают ходить на оперы Иоганна Шекспира Штрауса, великого марсианского композитора Эпохи Забвения? Стоит взглянуть вокруг, и станет очевидной наивная абсурдность подобных опасений...»

Мимо Петунии побежал маленький сорванец.

Его упругие зелёные щупальца сжимали в руках протоплазменный излучатель. Он притаился за кустом и ждал, когда девочка из команды Венерианских спасательниц снимет шлем, позволяющий ей находиться в ядовитой планетарной атмосфере. Петуния улыбнулась. Ветерок трепал её юные, густые волосы. Морщинки стремительно исчезали с её лица. Ощущение неправильности внезапно исчезло. Её более не терзали ни какие сомнения, и сама память о них бесследно растворилась. Всё было чудесно, всё было правильно...

Как прислать рассказ

Для ваших рассказов существует специальный почтовый адрес story@mirf.ru. Присылайте свои произведения в формате .DOC или .RTF приложением к письму. Не забудьте указать в письме имя автора, адрес электронной почты и пометку «можно публиковать на диске». Если редакцию интересует письмо, с вами свяжутся.

Каждый месяц лучшие рассказы публикуются в литературном приложении МирФ.